

АНДРЕЙ ФЕДОСЕЕВ

КРАЙ СВЕТА

невероятное путешествие
к КУРИЛЬСКИМ ОСТРОВАМ
через всю Россию и Азию

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 910.4(470+570)
ББК 26.89(2)
Ф33

Федосеев, Андрей Владимирович.

Ф33 Край Света : невероятное путешествие к Курильским островам через всю Россию и Азию / Андрей Федосеев. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Travel story. Километры приключений).

ISBN 978-5-04-159523-4

Путешествие на Курильские острова, на остров Шикотан, к мысу Край Света — настоящий вызов. Но друзья из Москвы — Андрей, Настя и Вова — решили усложнить задачу и пересечь целых 10 стран, а не всю Россию. Их ждут удивительные приключения, опасности, много смеха, бурлящий в крови адреналин, новые открытия и четыре невероятных месяца в пути.

УДК 910.4(470+570)
ББК 26.89(2)

ISBN 978-5-04-159523-4

© Федосеев А.В., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Содержание

Часть 1. КАВКАЗ	9
4 апреля 2016 года. Москва	9
6 апреля. Махачкала	15
7 апреля. Российско-азербайджанская граница	19
8 апреля. Баку	22
9 апреля. Баку	24
10 апреля. Поезд, станция Шеки	27
11 апреля. Тбилиси	32
12 апреля. Грузино-армянская граница	34
13 апреля. Окрестности Еревана	40
14 апреля. Озеро Севан	44
15 апреля. На юг от Еревана	45
16 апреля. Где-то между Горисом и Капаном	51
17 апреля. Капан	54
ЧАСТЬ 2. ИРАН.	56
Все еще 17 апреля. Армяно-иранская граница	56
18 апреля. Окраина Джульфы	59
19 апреля. Кандован	70
20 апреля. Поезд Тебриз – Тегеран	71
21 апреля. Тегеран	81
22 апреля. Исфахан	86
23 апреля. Исфахан	92
24 апреля. Тегеран	93

СОДЕРЖАНИЕ

25 апреля. Йезд	94
26 апреля. Йезд	97
27 апреля. Йезд	100
28 апреля. Где-то под Бамом	103
29 апреля. Где-то в провинции Керман	112
30 апреля. Остров Кешм.	115
1 мая. Остров Кешм	118
2 мая. Бендер-Аббас	120
3 мая. Шираз	121
4 мая. Шираз	123
5 мая. Окрестности Ширази	125
6 мая. Где-то посреди Ирана	132
7 мая. Исфахан	133
8 мая. Исфахан	134
9 мая. Мешхед	138
10 мая. Мешхед	142
11 мая. Тегеран.	144
12 мая. Астара	146
ЧАСТЬ 3. СРЕДНЯЯ АЗИЯ	148
16 мая. Российско-казахстанская граница	148
17 мая. Где-то в Казахстане	154
18 мая. Казахстанско-узбекистанская граница	158
19 мая. Хива	161
20 мая. Янгибазар.	166
21 мая. Янгибазар.	168
22 мая. Бухара	170
23 мая. Самарканд	178
24 мая. Самарканд.	181
25 мая. К югу от Самарканда	184

СОДЕРЖАНИЕ

26 мая. К югу от Самарканда	186
27 мая. Душанбе.	189
28 мая. К северу от Душанбе	192
29 мая. Худжанд.	196
30 мая. Таджикское море	199
31 мая. Узбекистанско-киргизская граница	201
1 июня. К югу от Оша	203
2 июня. Сары-Могол.	206
3 июня. Сары-Могол.	208
4 июня. К северу от Оша.	210
5 июня. Еще дальше к северу от Оша	211
6 июня. Иссык-Куль	213
7 июня. Алматы.	213
9 июня. Алматы.	214
ЧАСТЬ 4. КИТАЙ	216
10 июня. Хоргос	216
11 июня. Урумчи	218
12 июня. Дуньхуан	223
13 июня. Дуньхуан	226
14 июня. Поезд в Ланьчжоу	229
15 июня. Лабранг	234
16 июня. Лабранг	237
17 июня. Тяньшуй.	239
18 июня. Поезд Тяньшуй – Чэнду	243
19 июня. Чэнду.	246
20 июня. Поезд посреди Китая.	249
21 июня. Чжанцзяцзе	251
22 июня. Парк Чжанцзяцзе	254
23 июня. Парк Чжанцзяцзе	256

СОДЕРЖАНИЕ

24 июня. Чжанцзяцзе	257
25 июня. Шанхай	258
26 июня. Шанхай	262
27 июня. Поезд Шанхай – Пекин	265
28 июня. Пекин	268
29 июня. Пекин	272
30 июня. Пекин	277
1 июля. Шеньян.	279
2 июля. Суйфыньхэ	279

ЧАСТЬ 5. РОССИЯ, ДАЛЬНИЙ ВОСТОК. 283

3 июля. Владивосток	283
4 июля. Владивосток	286
5 июля. К северу от Владивостока	287
6 июля. Хабаровск	289
7 июля. Хабаровск	291
8 июля. Хабаровск	294
9 июля. Хабаровск	295
14 июля. Хабаровск	296
15 июля. Хабаровск	297
16 июля. Ванино	298
17 июля. Холмск	301
18 июля. Южно-Сахалинск	305
19 июля. Южно-Сахалинск	306
20 июля. Корсаков	308
21 июля. Тихий океан	311
22 июля. Шикотан	314

ЧАСТЬ 1

Кавказ

4 АПРЕЛЯ 2016 ГОДА

Москва

Мне всегда нравился Казанский вокзал в Москве. Ты выходишь из здания к поездам и все равно остаешься под крышей. Словно это павильон съемочной площадки. В ожидании команды «Мотор», которую должен был дать гудок поезда Москва — Махачкала, я балансировал на грани отчаяния, сохраняя пуленепробиваемое выражение лица. Последнее, видимо, получалось неплохо. Одна из немногочисленных провожающих, маленькая боевая брюнетка, с которой мы только пять минут как познакомились, потянула меня за рукав и отвела чуть в сторону, к вагону. «Ты выглядишь самым здравомыслящим. Пригляди за Настей». Вот он — плюс путешествия втроем: даже если ты совсем не вывозишь, место на пьедестале все равно обеспечено. На всякий случай я покосился на своего ближайшего конкурента. Момент оказался удачным — Вова как раз сосредоточенно прятал в рюкзак подаренную на дорогу чекушку. Затем, уже ощущая себя победителем номинации «Человек — адекватность года», искал взглядом гриву рыжих волос. Их обладательница смеялась, прищулив чуть раскосые глаза, — похоже, пока все у Насти в порядке. Рядом, управившись с упаковкой, Вова пыхтел своей фирменной и чертовски вонючей крас-

ной «Явой». Вот и вся моя команда мечты — два человека, с которыми можно дойти до края света, не рехнувшись от совместного быта. Теоретически. Один из вопросов, ответ на который нам предстояло узнать уже в пути.

Несмотря на наличие в загранпаспорте свежих виз Ирана и Китая, несмотря на проработанный на следующие четыре месяца маршрут, я все еще не осознавал, что чистой воды авантюрная мысль «а не поехать ли?» уже превратилась в факт — едем. В этом вопросе ничего существенно не сдвинулось ни тогда, когда поезд тронулся, покидая холодную апрельскую Москву, ни на следующий день, когда вагон уже ощущался как дом родной. Удивительно, что в плацкарте, как в культурном феномене, ничего не меняется — вареные яйца, огурцы с помидорами, синеватая курица в фольге, пассажиры, переоблачающиеся в туалетах в растянутые домашние треники. То же самое было двадцать лет назад и, уверен, будет и двадцать лет спустя, и даже колонизация Марса вряд ли что-то значительно тут поменяет. Что ж, помимо возможности стать за сутки профессиональным носочным сомелье и на раз распознавать, по каким склонам ходил их владелец, поезд дает еще и кучу свободного времени, которое я решил потратить на то, чтобы свыкнуться с мыслью о реальности происходящего. Покачивающийся навстречу кавказской весне вагон был лишь первым из великого множества шагов, которые нам предстояло сделать по пути на восток.

.....

Однажды я узнал, что на далеком острове Шикотан есть мыс под названием Край Света, и подумал — вот бы здорово устроить путешествие туда. Путешествие на край света.

.....

Несколько лет спустя в начале весны, сидя за экраном ноутбука, я перебирал идеи для отпуска. Горный трекинг, велопоход, ленивая поездка на море — все вроде неплохо, но все не то. Ничто не вызывало отклика. И вдруг всплыл давно забытый Край Света. Он мелькнул где-то на краю сознания, где традиционно складировались мысли вроде зимовки на антарктической станции. Но сердце на мгновение сжалось. Я поймал идею в щепоть и покрутил перед внутренним взором. Что ж... Это интересно. Можно долететь до Южно-Сахалинска, а там на корабле. Уместится даже в короткий отпуск. Я прислушался. Сердце молчало. Зато заговорило что-то другое, пониже. Кажется, это было шило.

— Ты всерьез думаешь, что путешествие на Край Света должно выглядеть так? Туда-обратно за неделю?

Действительно. Такая постановка словно бы обесценивала всю идею.

— А что, если, — продолжало шило, — поехать по земле?

Я посмотрел на карту. Казань, Екатеринбург, Байкал — в отпуск теперь путь влезал с трудом, зато становился заметно интересней.

— Уже лучше, — согласилось шило, — но я вот думаю — неужели путь на Край Света лежит через одну только Россию? Разве не требует ли само название наличия экзотических стран? Может быть, взять немного на юг?

Я повел по карте пальцем. Кавказ, Иран, Средняя Азия, Китай, Владивосток, Сахалин, Курилы...

Сердце снова сжалось. Вот оно! Я аж вскочил.

— Ага, — саркастически заметил в моей голове мистер Пессимист, — Край Света? Серьезно? Сколько ты будешь ехать? Несколько месяцев? Китай? Иран? Помечтали, и будет.

— А почему бы, собственно, и нет? — возразило шило.

— Не вытянем, — отрезал Пессимист.

Я приуныл. Спорить сложно — ни разу я не путешествовал дольше нескольких недель и в такую даль не забирался никогда. Как все организовать — даже это представлялось с трудом. Вся идея помимо восторга вызывала и ужас.

— погоди, — шило пошло в последнюю атаку, — давай вот как сделаем: прикинешь маршрут, а там дальше поглядим.

Это выглядело неплохим вариантом. Наличие проработанного плана давало чувство контроля над ситуацией. Честно сказать, в моем опыте план в итоге никогда не пригождался — либо на ходу менялись обстоятельства, либо, втянувшись, я чувствовал легкость и способность импровизировать. Но в самом начале он давал опору, чтобы сделать первый шаг в неизвестность.

Прошло что-то около пары месяцев. Мне нравилось сидеть вечерами, выискивать информацию, планировать дорогу, места ночлега. Оставаясь дома, я в то же время словно уже был в пути.

.....

Оставаясь офисным айтишником с графиком 5/2, я в то же время превращался в путешественника. В кого-то, кто способен месяцами ехать через дальние страны.

.....

И вот последняя точка поставлена. За окном всю зеленели деревья. По-хорошему, стартовать надо было еще месяц назад.

— Замечательно, — не унывало шило, — пора звать друзей!

* * *

Заканчивая презентацию, я обвел комнату взглядом. Из шести находящихся в ней людей как минимум у половины загорелись глаза.

— Отлично, — сказал Вова, — когда думаешь стартовать?

— Ну-у... э-э-э... м-м-м... Где-то через месяц, я думаю.

— Не, — покачал он головой, — в середине лета мы в Иране просто зажаримся. Надо на следующий год это переносить.

— Я согласна, — закивала Настя, — идея классная, но этим летом я никак.

— Да ну, — насупился я, — не хочу ждать еще год, надо ехать. Подумаешь, жара!

— Не, — снова затянул свое Вова, — не вариант. Что думаешь, Рыжая, — повернулся он к Насте, — двинем через год?

У меня аж челюсть отвисла от такого предательства. Приходилось выбирать — либо отправляться сейчас, но одному, либо откладывать, зато ехать с друзьями. Внутренняя борьба длилась месяц и закончилась тем, что стартовать стало поздно.

«Ок, — написал я сообщение Насте. — Давайте готовиться на следующий сезон».

Снова потянулись вечера — черновик маршрута правился и переделывался, выискивались интересные места по пути. Из пятерых заинтересовавшихся поначалу друзей в итоге осталось двое. Но уж в них я был уверен не меньше, чем в себе. А может, и больше.

Теоретически путь получался месяцев на пять. В положенный срок я предупредил начальство и написал заявление по собственному желанию. Родители были не в восторге.

— Вон Андрей уже женится осенью, — напоминали они мне о друге детства, — и тебе б пора. А ты едешь куда-то опять.

Я мог их понять. Мне и самому казалось каким-то детством бросать хорошую работу ради путешествия. Навязчивым комаром жужжала мысль: «это инфантилизм, это глупо, это хорошо, когда ты студент, но ты уже не студент». Казалось, что таким действиям не место во взрослом мире, что вместе с автостопом или походами в горы на каникулах это должно остаться в прошлом. Но с другой стороны — когда, если не сейчас? Мне нравилась моя работа, но не настолько, чтобы бояться уйти. Я не состоял в отношениях. Был свободен настолько, насколько это вообще возможно.

Компромиссом с совестью стало решение — Край Света будет последней подобной авантюрой. По возвращении я закину рюкзак на полку и всерьез задумаюсь, о чем там пора задумываться ближе к тридцати.

Когда путешествие перестало быть только моим проектом, я утратил над ним контроль. Друзья активно занимались подготовкой. Поддаться своим страхам, отказаться от идеи — означало теперь увидеть, как ее реализуют другие. Я словно оттолкнулся на плоту от берега, и теперь меня несла стремнина. Оставалось лишь стараться не перевернуться.

«Бввввв... Бввввв...»

Из размышлений меня выдернул вибрирующий на столе телефон. Читая СМС, Настя на глазах менялась в лице. Парень из Баку, у которого мы договорились погостить пару дней, извинялся, но сообщал, что не может нас принять. Уходит добровольцем воевать в Нагорный Карабах.

К границам маленького непризнанного государства протянулись цепочки молодых парней и вполне солидных отцов семей с обеих сторон. Армяне и азербайджанцы брали в руки оружие, искренне веря в свою право-

ту и считая именно себя в этой истории положительным персонажем, борющимся за все хорошее против всего плохого. Как подсчитают позже, для нескольких десятков из них это была дорога в один конец.

Поезд меж тем начал замедлять свой бег.

6 АПРЕЛЯ

Махачкала

— Как у вас тут вообще, спокойно? Не задирают приезжих? — поинтересовался Вова, с наслаждением выпуская в небо клуб табачного дыма и потягиваясь после полутора суток в поезде.

Иса, высокий и плечистый улыбчивый парень, с которым мы разговорились в поезде, а теперь ждали такси до Дербента, с сомнением посмотрел на собранные в хвост Вовины волосы, спускающиеся до лопаток.

— Не, у нас мирно. Хотяяяя... — протянул он, — такие прически не приняты, конечно.

— А, ну это не проблема — Вова приподнял кепку, спрятал под нее волосы и улыбнулся, как человек, только что получивший право входа (и, что еще полезней, выхода) в любую темную подворотню.

Махачкала встретила нас солнцем и непривычным для москвича в апреле теплом, но резво скрылась в дорожной пыли, которую поднял наш таксист и по совместительству горный гонщик.

.....

Чтобы понять, какой русский не любит быстрой езды, достаточно доставить его на Кавказ и посадить в машину к местному водителю.

.....

Вроде бы одинаковые на всю страну правила дорожного движения тут имеют свой особый колорит, пропитанный... ну, за неимением нужного цензурного слова, назовем это «отвагой». Так вот, колорит, пропитанный *отвагой*, в данном случае значит, что ехать по встречной полосе и разъезжаться с другими водителями в нескольких сантиметрах — это в порядке вещей. Никто даже не посигналит и не помигает фарами, крутя пальцем у виска. Вас не остановят за непристегнутый ремень. Думаю, даже наоборот, в глазах сотрудника ГИБДД вы скорее прочтете немой укор: «Ты че пристегнулся, девка што ле?» Получив очередную дозу адреналина от очередной упущенной возможности отправиться на тот свет, я отвлекся на мысли, что у нас там в культурной программе. Скоро мы должны прибыть в Дербент. Все мои знания о нем ограничивались парой строчек из Википедии и парой фотографий оттуда же. К счастью, у нас появился гид — Иса сидел на заднем сиденье вместе со мной и Вовой, одними бровями посылая беспечно расщебетавшейся с молчаливым водителем Насте знаки «молчи, женщина, соблюдай приличия». Настя их не замечала. Или игнорировала. Она попала в свою стихию. Мы с Вовой смеясь называли ее «менеджером по связям с общественностью», потому что мало кто умел так легко находить общий язык с самыми разными людьми.

На втором курсе института ее как будущего психолога ждала педагогическая практика. Но на дворе стояла весна, все цвело, Настя была влюблена. Словом, когда она вспомнила про практику, места остались только в туристическом лагере в Карелии. Настя не знала, где находится Карелия. И имеет ли это какое-то отношение к Корее. Из десятков пар ее обуви без каблука обходились только домашние тапочки. Она слабо представляла себе жизнь без ежедневного душа, длинных ногтей и макия-

жа. Но ничего не поделаешь. Запихав дешевый спальник и немного косметики в спортивную сумку, она поехала навстречу дикой природе.

Первый поход обычно у всех вызывает примерно одинаковые эмоции, которые можно выразить фразой: «Я туда больше ни ногой». Промокшая, замерзшая, заболевшая, искусанная насекомыми Настя хотела бы сказать что-то подобное, но... ее ждала вторая смена.

И там все переменялось. Настя с удивлением обнаружила, что стала опытным туристом. Что за первый заезд она успела не только возненавидеть все вокруг, но и многому научиться. И случилось страшное — она начала получать от этого удовольствие. Это был последний год, когда Настя носила длинные ногти.

Начался новый учебный семестр. Услышав, что однокурсник Вова рассказывает, как сходил летом в Хибины, она подошла к нему со словами: «Слушай, это здорово. Ты зови, когда соберетесь куда-нибудь». Постепенно сменился весь гардероб. Она открыла для себя походы, горы, путешествия автостопом. И вот спустя несколько лет оказалась в машине, едущей из Махачкалы в Дербент.

Домики вдоль обочины стали попадаться все чаще, затем побежали сплошным потоком, и наша не в меру отважная машина, миновав арку в древней стене, въехала в исторический центр. Про статую Христа в Риоде-Жанейро говорят, что она будто обнимает город. С дербентской крепостью Нарын-кала примерно так же, только слово «будто» будет лишним — когда-то две стены спускались от нее к самому морю и уходили в воду, уместая между собой все поселение и образуя гавань. Таким образом перекрывался самый узкий участок между морем и горами, и любой желающий попасть с севера на юг и обратно непременно проходил через Дербент. Поэтому чуть ли не каждый народ для этого города ис-

пользовал свое название, будь то грузинское «Дегвис карри», тюркское «Демир капы» или еще что, почти всегда в дословном переводе фигурировало слово «ворота». Арабы вон вообще говорили «Ворота ворот». Сейчас одна из стен сохранилась практически полностью, другая лишь фрагментами, да и город разросся. Но все равно, въезжая в старую часть, чувствуешь себя в защитных объятиях цитадели. Только оказавшись чуть позже на ее стенах, ощутив под пальцами теплые камни, взглянув на море — только тогда я и начал осознавать, какое безумство мы затеяли, как далеко от дома мы собрались забраться. Даже Дербент вдруг ощутился мне этакими дальними берегами, а ведь на долгое время это были самые близкие «дальние берега».

* * *

Иса резко схватил Настю сзади. Она попыталась вырваться, дернулась раз, другой — без толку. Не глядя пнула его ногой — не попала. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не прозвучал гонг. «Нет, драки это не мое», — заявила Настя, меняя джойстик на кальян. Следующим пытаться отнять у Исы виртуальный титул чемпиона боев без правил вызвался Вова. Мы полулежали за низким столиком, уставленном чайными чашками и блюдами с конфетами, наполняли комнату ароматным дымом и, пока Иса влегкую метелил по очереди наших неуклюжих бойцов, слушали о местных обычаях. Речь зашла о свадьбе.

— У нас не принято, чтобы девушка давала свой телефон, поэтому, когда парень решает жениться, первое, что он делает, — выясняет, где девушка живет. Потом туда отправляются родители, чтобы обо всем договориться. Дальше, если парень девушке тоже нравится и родители не против, то пара начинает общаться. Не гулять вместе,

а там в кафе, например, сидят. И обязательно присутствует кто-то из родственников девушки, обычно брат. Потом они могут куда-нибудь вместе сходить пару раз, но тоже, конечно, с братом.

— М-м-м... а как же... кхм... пардоньте... — задала Настя интересующий нас всех вопрос.

— А «пардоньте» только после свадьбы — рассмеялся Иса. — Так вот, погуляли, значит, они пару раз. После этого снова к родителям девушки идут родители парня — с ними передается кольцо. Ну а сама свадьба играется два дня — сначала в доме невесты, потом у жениха.

* * *

Гостиничный номер слегка покачивался — слишком много за этот вечер было выкурено кальяна. Я подошел к открытому окну вдохнуть свежего воздуха. Нарын-кала возвышалась передо мной, еще более величественная в своей подсветке за погружающимся в сон городом. Теплый ветер, запах моря. Шестое апреля. Назавтра нам предстояло продолжить свой путь на юг.

7 АПРЕЛЯ

Российско-азербайджанская граница

Пока офицер изучал мой паспорт, я разглядывал обстановку. Небольшая комнатка, широкий стол, какие-то картотечные шкафы. Маленькое прямоугольное окошко под потолком казалось создано не для доставки внутрь солнечного света, а исключительно для демонстрации метровой толщины стен. За одной из них находилась комнатка еще чуть меньше, а в ней три повидавших жизнь

стула, семья из Азербайджана и Вова с Настей. Чтобы содержимое оставалось неизменным, у двери дежурил солдат. Этот бонусный уровень российско-азербайджанской границы открылся нам благодаря наличию в паспортах иранских виз.

Потеряв наконец интерес к документам, владелец кабинета поднял на меня темные глаза. Он сам под стать декорациям — среднего возраста, среднего роста, одет в штатское. Встретишь такого на улице, примешь за кого угодно — хоть слесаря, хоть менеджера.

— Носите нательный крест? — поинтересовался «менеджер».

Уже второй раз за последний час мне задали этот вопрос. Первым был пограничник на контроле. Он улыбался и спрашивал будто бы не всерьез, но долго изучал паспорт. Время шло, а очередь не двигалась. Вова и Настя тоже застряли на проверках. Отложив в сторону документы и не утратив дружелюбного выражения лица, пограничник попросил немного подождать. Вскоре нас повели через двери, лестницы и коридоры в маленькое полуподвальное помещение, откуда стали по одному приглашать в этот уютный кабинет.

И вот снова вопрос про нательный крест. Как известно, на террористов он действует так же, как на вампиров, заставляя незамедлительно самовоспламеняться, потому что если гражданин оборудован крестом, отчизна может спать спокойно. Если вместо него идет пояс шахида, то тут тоже плюс-минус понятно. У меня, как назло, ни того, ни другого. Значит, случай непростой.

Беседа продолжалась какое-то время вопросами о работе, месте жительства и родственниках, после чего меня отправили обратно, а на «расстрел» пригласили Вову. Дело затягивалось. Кажется, мы торчали тут уже часа полтора. Выбор развлечений за решеткой невелик.

Если не хочешь качаться как сумасшедший или набивать партаки с куполами шариковой ручкой, остается только писать блюзы.

.....

Я как раз подыскивал подходящую рифму к слову «усы», когда Вова вернулся и предложил валить. Как выяснилось буквально через минуту, план побега не предусматривал подкопов и напильников в выпечке, да и в целом не был даже планом побега. Просто когда офицер из соседней комнаты сказал Вове, что тот может идти, он имел в виду «идти обратно в КПЗ». Это объяснил преградивший нам путь боец.

Писать блюзы — одно удовольствие. Из четырех строчек три — повтор первой, с разными подвываниями. Я уже всерьез задумался о «Грэмми», когда дверь открылась и все тот же боец сообщил: «Свободны». Через десять минут мы покинули Отечество.

* * *

До Баку добрались к вечеру. В течение дня от нашего несостоявшегося вписчика пришло несколько СМС: сначала он извинялся, что не смог нас принять. Потом писал, что попробует сейчас уехать из Карабаха, чтобы помочь нам обустроиться, и в конце — что уехать ему не разрешают. Большой проблемы, впрочем, не возникло — мы нашли кафе с интернетом, а немного погодя и недорогой хостел. Пока суд да дело, опустилась ночь. Зажглись миллионы огней. Стеклопанные небоскребы, ослепительно сиявшие днем на жарком каспийском солнце, ночью остались столь же яркими, заменив блики на изображения. Новая визитная карточка города — расположенные на холме «Пламенные башни». Три высочайших

здания страны, возвышающиеся над старыми постройками исторического центра. Смотришь на них при свете дня и гадаешь (еще не зная названия), что за странная форма? Что это, лепестки цветка? А может быть, паруса? Но ночью сомнений нет — на покрывающих стены экранов вспыхивает огонь, и три этих огромных языка пламени представляют собой зрелище поистине завораживающее.

В этот момент можно почувствовать себя Марко Поло — тот тоже, побывав в Азербайджане, писал про горящую гору. Она, кстати, недалеко — что-то около тридцати километров от Баку. Посмотрим на нее завтра.

8 АПРЕЛЯ

Баку

Старенький, очаровательно квадратный автобус заглохнул двигатель на конечной остановке. Я в целом заранее старался не гуглить внешний вид достопримечательностей для сохранения свежести впечатлений. Одним из последствий этого решения стало то, что на месте горы Янардаг не оказалось горы. За нее себя выдавал совершенно непримечательных размеров холм. Эпичность вообще страшно страдает от такого — когда ты не идешь как гном в Эребор долго, претерпевая лишения, а приезжаешь на самом обычном маршрутном автобусе. А вдобавок вместо скалистых утесов перед тобой такая несерьезная возвышенность. Но главный удар впереди. Начитавшись о «горящей горе Янардаг», я воображал нечто крайне inferнальное. На деле же — всего несколько метров, на протяжении которых природный газ просачивался из-под камней и го-

рел скромными костерками. Пока я пытался отбиться от разочарования мыслями о древности происходящего, Вова, воровато оглядевшись по сторонам, присел с краю и прикурил от огненной горы, едва не опалив густые усы.

Несмотря на то что я знал Вову с двенадцати лет, я не мог представить его без усов. Казалось, они пролезли даже в самые ранние воспоминания и прочно укрепились там на юном лице. Мы познакомились в детском турклубе.

.....

Любовь к путешествиям прививалась через горные походы, сплавы по рекам, через ноющие от ноши плечи, изъеденные комарами конечности и пахнущую дымом еду. Через гитару у костра и ощущение абсолютной свободы.

.....

Так как турклуб детский, то после выпускного я благополучно из него выпал. А Вова остался, из ученика превратившись в инструктора. Проводил университетские каникулы на Кавказе, Алтае, Камчатке, Карелии, Кольском. Путешествовал автостопом по России и за рубеж.

Стоило хоть раз увидеть Вову в дикой природе, как тут же становилось ясно — это прям его. Он словно расцветал. И неважно, что при этом происходило вокруг. Лил ли дождь, шел ли снег, летели ли с вершины горы камни размером с малолитражку — Вова было в кайф. Он прикуривал от костра и пек блинчики.

9 АПРЕЛЯ

Баку

Янардаг не единственное место в Азербайджане, где воспламенился природный газ, так что нет ничего удивительного в том, что в «Стране огней» издавна жили огнепоклонники. На третий день азербайджанского турне мы отправились в Атешгях — трехсотлетний религиозный комплекс, когда-то совместно использовавшийся индустрами, сикхами и зороастрийцами, а теперь превращенный в музей. Снаружи храм напоминал крепость, обнесенную зубчатой стеной. За ней — просторный двор, в центре которого алтарь с неугасимым огнем, а по периметру — двери в кельи, караван-сарай и хозяйственные помещения.

.....

Согнувшись в три погибели, я зашел в одну из них и встретился взглядом с бородатым мужиком, скалящимся на меня из темноты. За следующий короткий миг я успел сделать две важнейшие вещи — проконтролировать сухость исподнего и осознать, что мужик-то ненастоящий.

.....

В Атешгяхе отличный подход к экспозиции. Современные технологии и оптические фокусы, отбрасывающие на стены тени нефтекачек и караванов, соседствовали с искусственными бородачами и вполне настоящими ржавыми мечами, которыми ковырялись у кого-то в кишках две тысячи лет назад. Еще один бородач, на этот раз вполне натуральный, судя по тому, что, играя на чем-то вроде скрипочки, время от времени порядочно лажал, сидел перед входом в келью. Это Карим, преподаватель медитации

и обладатель столь белоснежных носков, что по ним Вова выставил баланс белого на фотоаппарате. Чтобы добраться до неугасимого огня, он проделал путь аж из Египта.

Сама по себе «неугасимость», однако, вещь крайне относительная — горевшее в храме пламя поддерживалось искусственно, природные же огни потухли еще в начале XX века, после того как вокруг Атешгяха выросло целое поле нефтекачек. Мы вышли к нему случайно, гуляя по деревенским переулкам, где довольно мурлыкали ленивые коты, развалившиеся на солнышке. Где из открытых окон кухонь доносился звон чайных стаканчиков, напоминающих по форме то ли грушу, то ли песочные часы, а во дворах стучали костяшки домино. Все эти звуки остались позади. В царстве сырой нефти только скрип и ветер. Долгое время компанию нам составляли лишь собственные отражения в жирных цветастых лужах. Механизмы работали сами по себе, горстями черпая из глубины нечто, когда-то здесь жившее. Казалось, что если обернуться, то за спиной не окажется никакой деревни, никакого храма, никаких деревьев, трав и цветов, а одно только голое поле и нефтекачки, насколько хватает взгляда. Оборачиваться не хотелось. Морок рассеял шум двигателя. Охрана месторождения была приветлива и доброжелательна, но место оказалось закрытым для праздного шатания, и нас попросили уйти.

* * *

Оставшееся до ночного поезда время мы провели в Баку. Отличное место, чтобы почувствовать себя ингредиентом в салате — все вперемешку. Берешь навынос стаканчик кофе в хипстерской кофейне и идешь себе. Вокруг современный город. Останавливаешься на светофоре и провожаешь глазами фиолетовый лондонский кэб. Обычно после такого надо в недоумении по-

смотреть на свой кофе. Но ни с какими секретными ингредиентами это не связано — в бакинском таксопарке действительно несколько тысяч фиолетовых кэбов прямиком из английской столицы. Кофе не успел остыть, а ты уже проходишь ворота крепости и погружаешься в Средневековье. Барбершоп тут не найдешь, а вот ковер купить — это запросто. Каждый второй магазин сойдет за музей. Поблуждав по переулкам, снова оказываешься в двадцать первом веке. Горят огни, сигналият машины. Призыв на намаз из ближайшей мечети застает тебя за разглядыванием билборда с весьма откровенной рекламой женского белья. Выпиваешь пива в ирландском пабе, а выйдя, встречаешься коротким взглядом с девушкой в хиджабе. Или с ее подружкой в футболке, рваных джинсах, с рассыпанными по плечам волосами. На набережной обнимаются парочки, прогуливаются темноглазые красавицы. Ты умиротворен настолько, насколько может быть умиротворен человек, только что до отвала наевшийся люля-кебаба.

— Ну и порции, — сказала Настя, отодвигая пустую тарелку, — кажется я не захочу есть ближайшие несколько дней. И двигаться.

— Не, надо пойти погулять. Город посмотреть.

— Не могу.

— Надо, Настя. Надо растрясти люля.

* * *

По дороге двигалась небольшая процессия. Человек двадцать, похоже, студенты. Размахивали азербайджанским флагом, кричали, что-то скандировали. Я разобрал только одно слово, но его хватило. «Карабах».

10 апреля, ПОЕЗД, СТАНЦИЯ ШЕКИ

10 АПРЕЛЯ

Поезд, станция Шеки

Где-то там, за окном, находился Шеки. Точнее даже не сам город, а дорога в него. Впервые я видел, чтобы станция располагалась за 15 километров до населенного пункта.

.....

Впрочем, в таком тумане там могла бы быть дорога, Шеки, вход в Нарнию, ежик и лошадка в придачу — в двадцати метрах уже не видать ничего, кроме белесых рассветных сумерек.

.....

Выгрузились из поезда. Часы показывали полседьмого утра, календарь — 10 апреля, а беглый осмотр окрестностей — полное отсутствие общественного транспорта да несколько зевающих таксистов. Пожалев денег, мы пешком ушли в туман. Тут, наверное, уже пора упомянуть о том, что, подсчитав примерные траты на всю авантюру, заглянув в кошельки и проводив грустным взглядом вылетевшую оттуда моль, мы решили экономить где только получится. Для этого взяли с собой палатку. А теперь наступило время автостопа.

По поводу этого способа передвижения мнения внутри нашей компании разошлись. Настя и Вова имели богатый опыт таких путешествий и всеми конечностями голосовали «за». Я же вообще не фанат — как правило, автостоп означает, что ты 30 раз на дню рассказываешь несколько своих самых огненных историй разным водителям. В итоге мы проголосовали. И поехали автостопом. Очень удобно устраивать демократию, когда вас трое, но никто не застрахован тогда, что она не повернется против него.

Спустя час мы въехали в город на потертой, но от того еще более уютной машине местного фермера, отвозившего на продажу сыр и молоко. Ранним воскресным утром Шеки еще не проснулся. Мы, в принципе, тоже. Хотелось кофе. Но тут вступали национальные особенности — в Азербайджане бал правит чай, разве что из крана не течет, а вот добыть кофе за пределами хипстерских кварталов Баку может стать нетривиальной задачей. Ее решение вынесло нас на главную улицу городка, взбирающуюся наверх, к дворцу. Человеку, посещающему Шеки исключительно из праздного любопытства, а не по каким-либо делам, способным завести в спальные кварталы, этой улицы будет вполне достаточно. На ней есть все что нужно. В частности, три главные достопримечательности — два караван-сарая и упомянутый дворец. А если повернуться к ним спиной и гордо удалиться — кафе с глуховатым дедом-поваром и вкуснейшей пахлавой. Но после пахлавы идти в гору станет совсем невмоготу, поэтому ее лучше оставить на потом.

* * *

Двухэтажный дворец даже немного терялся на пустой территории крепости. Стоял, скромно насвистывая, в тени двух гигантских деревьев, чинар, которые росли на этом месте без малого полтысячелетия. Хан прямо демонстрировал скромность и экономность. И жену взял всего одну. И гарема не завел вообще. А из шести комнат дворца (он по размеру как загородный дом) одну специально отвел под занятия поэзией. Но стоило попасть внутрь, как стало понятно, почему по окончании строительства в ханской казне осталось только эхо. На стенах и потолке ни одного пустого места — все в росписях. Тут и цветочные орнаменты, и геометрия всякая, а чуть выше человеческого роста, в окружении цветочков и птичек, баталь-

ные сцены, где brave солдаты с ханом во главе раздают люлей крупным оптом. Стекла, снаружи казавшиеся серыми, изнутри предстают цветастыми витражами, даже пасмурным утром наполняя комнаты красками.

Снова оказавшись на улице, на дворец я смотрел уже другими глазами. Теперь он представлялся красочной шкатулкой для драгоценностей. Может быть, кофе наконец-то подействовал? Город тоже просыпался, и хоть других туристов не наблюдалось, лавочники разворачивали свои нехитрые сувениры. Ниже по улице расположился караван-сарай, главным плюсом которого являлось то, что он все еще функционировал по прямому назначению и продолжал принимать путников, как и три сотни лет назад. Пожалуй, было бы здорово заночевать в нем, представляя, как оно все выглядело в XVII веке. Но ночевать в Шеки незачем — мы уже все увидели, а время только подползло к обеду. Кстати, про обед...

.....

Да, после пахлавы и вниз идти тяжело. Ну, либо из-за нее, либо из-за остальных трех перемен блюд. Кормят в Азербайджане хорошо.

.....

* * *

Фигура, двигавшаяся в нашу сторону, с каждым новым взглядом выглядела все более инородно. Для начала — это был велосипедист, подъезжающий к Шеки со стороны Грузии. Затем мы различили шлем на его голове. Вам придется провести немало времени в сельской местности Кавказа, прежде чем вы увидите велосипедиста в шлеме. Подозреваю, что тут это еще больший повод укоризненно покачать головой, чем даже пристегнутый ремень безопасности в авто. Объяснение головному убору вскоре появилось — как только мы увидели, что

за велосипедом тащится прицеп. Наш новый знакомый (имя которого я по старой традиции забыл сразу после того, как он его назвал, но почти уверен, что его зовут НЕ Стен) родом из Северной Европы. Важно упомянуть, что если в нашей бравой тройке сложить уровни английского, то получится человек, способный трижды сказать что-то там про «Лондон из зэ кэпитал оф Грейт Британ» и пару-тройку вариаций на тему «май нейм из Борис». По этой причине особенно поболтать с Не-Стеном не удалось. Выяснили лишь, что он в пути уже несколько месяцев и едет куда-то в сторону Средней Азии. О, и мы тоже! Ну, там и встретимся, ха-ха. На том и разошлись — он закрутил педали в сторону Шеки, мы же продолжили поджидать попутку в Грузию.

— Это выглядит сложным способом сделать простое дело, — сказал Вова, провожая Не-Стена взглядом. — В Ловозерах случай был. Там посреди труднодоступного плато стоит старый сарай. И стены его исписаны посланиями вроде «Шли вдвоем на лыжах, снега по колено, видимость 30 метров. Чуть не сдохли», «Шли вчетвером, снега по пояс, видимость 20 метров. Чуть не сдохли» и так далее и так далее. И среди этого всего одна надпись «Добрались без проблем. Москва. Клуб 4x4. Делика форевер!».

* * *

.....

Грузины открыли секрет телепортации и перепрятали его где-то в Тбилиси — такой вывод я могу сделать по опыту нескольких посещений этой чудесной страны.

.....

Бывает, ловишь машину, чтобы доехать до вокзала, а внезапно оказываешься в гостях. Или в ресторане. Или вот как в этот раз — каким-то невероятным образом мы

переместились из центра в деревню за какую-то сотню шагов вверх по склону холма. По крайней мере, так казалось в темноте. Но Мамука — наш сегодняшний хост — уверял, что мы все еще в городе. Просто эта старая часть действительно *старая*. Мы оказались тут, реализовывая две цели — во-первых, погружение в среду. Не считая эндемичных насекомых под матрасом, хостелы по всему миру слабо отличаются друг от друга, а вот жить в гостях — это возможность увидеть, как оно там чего вообще на самом деле. А еще, вы же помните, мы экономим где только можем. Поэтому помимо упоминавшейся палатки у нас для бюджетных ночевок еще список готовых принять нас каучсёрферов, с которыми Настя договаривалась весь последний месяц перед отправкой в путь.

Пара слов на случай, если «couchsurfing» выглядит набором букв и смутно ассоциируется с катанием на диване по волнам. Это глобальное сообщество путешественников со всего мира, сотни тысяч человек, которые готовы принять вас в гости или сами у вас же переночевать, совершенно бесплатно. Или вместе выпить пива в баре.

Но вернемся в Тбилиси. Являясь обладателем жилья в историческом центре, Мамука, как и его соседи, являлся заодно обладателем связанного с этим геморроя. Дело в чем — чтобы жильцам не пришлось в голову испортить самобытный вид старины кондиционером или, упаси господь, стеклопакетом, на любое изменение внешнего вида дома нужно получать разрешение, и не одно, а целый мешок. Так что дом занимается изменением своего внешнего вида самостоятельно, потихоньку разваливаясь, а сэкономленные на ремонте деньги, как правило, прогуливаются.

Бюджет гуляний можно увеличить еще на некоторую сумму. Как сказал Мамука, каждый грузин в деталях знает, как кинуть банк. Мы собрались вокруг него, накинув

на плечи пледы и спальники — в апреле в Тбилиси еще совсем не жарко и старенький обогреватель пока не успел прогреть комнату и лишь отбрасывал на стену теплые оранжевые лучи. Сложно поверить, что стоит выйти на улицу — и увидишь внизу центр грузинской столицы. Но выйти рано или поздно придется — помимо вида на центр снаружи находился и туалет... и интернет — сигнал соседского вай-фая не добивал до нашей комнаты. А еще всеми четырьмя конечностями в грязи, развезенной утренним дождем, неосторожного гуляку за дверью поджидала Леди — собака, всерьез претендующая на номинацию самого дружелюбного существа в мире. Исчезнувший в темноте человек возвращался покрытый узором из собачьих отпечатков после яростных обнимашек.

— С банком все, в общем, просто. Для начала надо переписать на кого-нибудь свое имущество, — начал загибать пальцы Мамука, — чтобы вот вообще нечего было взять. После этого берем кредит по максимуму — сколько получится. Ну и все, в общем. Ничего не возвращаем. Банк захочет имущество забрать, а имущества нет. Потом несколько лет — семь, кажется, — в черном списке проводишь. А после можно начинать заново.

В комнате стало светлее — сразу три лампочки зажглись над головами.

11 АПРЕЛЯ

Тбилиси

В целом каждый из нас троих уже не раз бывал в Грузии, потому в маршруте этого путешествия Тбилиси отводилась скромная роль винно-хачапурной заправки. Попрощавшись утром с Мамукой, мы переселились

в бюджетный хостел, заняв там комнату имени Гарри Поттера — маленькое помещение без окон, зато ровно с тремя кроватями. Уже в Баку мы заметили, что номер на троих порой выходит дешевле, чем три койки в дормитории¹. Да к тому же дает некоторую приватность, по крайней мере в том, что касается храпа и запаха носков — и то и другое исключительно родное.

В хостеле, как водится, вавилонское столпотворение. Непонятно даже, кто тут гости, а кто работники — некоторые совмещали обе эти ипостаси, как, например, чернокожая девушка, выдавшая нам постельное белье. Сейчас вот немного поправит свой бюджет и поедет дальше. Все вокруг буквально светились жаждой общения. Хозяин всего этого с улыбкой обводил взглядом свое королевство экстраверсии: «Я жил в Европе в хостелах, где никому до тебя нет дела. Мне так не нравится. Тут у нас — как компания друзей».

* * *

— Кажется, раньше было легче вот так сорваться. Бросить все, уехать. Ни сомнений, ни страхов. Сейчас уже не так. — Настя задумчиво разглядывала асфальт под ногами. Солнце село, и мы прогуливались неподалеку от хостела, с наслаждением вдыхая весенний ветер.

Мне вспомнилось, что большинство рассказов Вовы о том, как было раньше, звучали скорее как героический эпос, чем как реальные воспоминания.

— Знаешь, Насть, я думаю, раньше было точно так же. Просто память тебя обманывает. Не заостряет внимания на сложностях, а сразу показывает успешный финал.

¹ Дормиторий — спальное помещение монахов в католическом монастыре.

— Да ну. Вот помнишь, как мы с тобой пары прогуливали? Вот время было, а?

— Слушай, я помню, как мы с тобой недавно работу прогуливали, так что давай не начинай.

12 АПРЕЛЯ

Грузино- армянская граница

Пограничник с явным раздражением рассматривал азербайджанский штамп в моем паспорте.

— Какова цель посещения Азербайджана? — спросил он.

— Туризм.

Пограничник кивнул, еще какое-то время полистал паспорт, ненадолго задержавшись на иранской визе.

— Подождите здесь. — С этими словами он взял все наши документы и куда-то ушел.

Моросил дождь. От вчерашнего тепла не осталось и следа — тучи заволокли горы, и если бы мне пришла в голову мысль нарисовать местный пейзаж, понадобилось бы всего три цвета, из которых два — серый.

Пограничник вернулся через несколько минут.

— Анастасия Михайловна, пройдите, пожалуйста, со мной.

Растерянно обернувшись на нас с Вовой, Настя ушла. «Ну вот, опять допрос», — пронеслось в голове.

Отношения соседствующих Армении и Азербайджана никогда не были особенно радужными, но сейчас из-за вновь вспыхнувшего конфликта в Карабахе, куда обе стороны отправляли солдат и добровольцев, стали хуже не-

куда. Неудивительно, что азербайджанские штампы в наших паспортах вызвали определенный интерес.

Я уже начал задумываться над сотворением запасного плана, как из тумана вынырнула Настя, а с ней и пограничник, а с ним и наши документы. Оказывается, Настю не пугали паяльником, не привязывали к стулу и, в общем, не проводили никаких стандартных следственных мероприятий. Просто бойцы решили, что заниматься нудной работой приятнее, если рядом сидит девушка и нахваливает местный кофе. Вообще, славить национальные гордости в путешествиях это дело святое и всячески полезное, но в данном случае Насте не приходилось даже кривить душой — кофе был действительно прекрасен. И пока мы с Вовой мокли и втягивали головы в плечи, ее угощали от всей широты души. Только я подумал, что офигел уже по максимуму, как Настя сообщила бойцу, ставящему в этот момент печати в наши паспорта, что очень любит армянский кофе, а тот в ответ молча протянул ей еще стаканчик.

Так как встали мы ни свет ни заря, то к ночи планировали не сильно торопясь добраться автостопом до Еревана, где нас уже ждал в гости каучсёрфер Артур. От границы доехали до Алаверди. Он выглядел как самый обычный постсоветский город, попытавшийся примоститься в ущелье, да и не уместившийся в нем — дома виднелись и наверху, а перепад высот достигал нескольких сотен метров. Настя о чем-то задумалась. «Так здесь же Санаин!»¹ — озвучила она результат размышлений. Этот тысячелетний монастырь обосновался на окраине верхней части города. Чтобы не терять времени, снова начали ло-

¹ Санаин — памятник армянской архитектуры, средневековый монастырь, один из главных средневековых культурных центров Северной Армении. Церковный комплекс датирован X–XIII веками.

вить попутку. Первая же машина, проехав сначала мимо, вдруг затормозила в десятке метров впереди. Машина стояла, а мы смотрели на нее, пытаясь понять — для нас остановился водитель или по своим делам. В полнейшей тишине распахнулся багажник. Похоже, едем.

Остаток пути пошли пешком. Вокруг маленькие деревенские домики и начинающие зацветать сады. Древний, известный, некогда очень влиятельный, Санаин встретил нас гулким эхом пустых комнат. Ни души, ни звука.

Старейшие из построек комплекса уже разменяли свое тысячелетие. Когда-то тут кипела жизнь, в академии читались лекции по математике и грамматике, философии и риторике, музыке и медицине, в скриптории переписывались книги. Здесь преподавали лучшие умы своего времени. Численность братии достигала нескольких сотен человек, а окрестные земли принадлежали монастырю. Все, конечно, было не безоблачно — Санаин подвергался опустошительным набегам, страдал от землетрясений и в итоге уже не смог оправиться от монгольского вторжения XIII века.

С полчаса мы бродили по перекосившимся плитам, вдоль рядов каменных колонн.

.....

Я представлял, как мимо нас, сквозь нас снуют тени, как скрипят мозгами и перьями (или чем они там писали?) студенты вот тут, где я стою. Разница в тысячу лет. Теперь это место казалось забытым.

.....

Но только казалось. Стоило привыкнуть к эпичности окружения, как проявились детали — оплывшие свечки в уголке, строительные леса у задней стены. Или пара американских туристов с гидом, с которыми мы встретимся.

лись, уходя, — вот кто проделал по-настоящему долгий путь.

Автостоп в Армении выше всяких похвал — не успели мы и десяти минут провести у дороги, как остановились два бензовоза. Распределились — я в один, Вова с Настей во второй. И покатали через половину страны. Попутчик мой оказался из молчаливых, общение сводилось к обмену парой фраз раз в полчаса, и время я проводил, поедая глазами новую для себя страну, пронесящуюся за окном. Погода делала все возможное, чтобы результат мне понравился. Дождь сменялся ярким солнцем, заставляющим все вокруг сверкать и переливаться. В небе загоралась радуга. Затем снова набегали тучи, словно желая подчеркнуть суровость горных пейзажей. Но скоро они вновь разлетались по небу, вновь давая золотым лучам отражаться в дорожных лужах.

Иногда мы останавливались в маленьких забегаловках, пили крепкий кофе из крохотных чашечек, и потом опять — три ступени вверх, хлопнуть разболтанной дверью, чтобы закрылась нормально, и в путь. Долины сменялись беслесными коричневыми горами, к склонам которых жались коричневые хрущевки. Так странно было видеть такие привычные, такие обычные и безликие дома в такой необычной обстановке.

7 декабря 1988 года в Армении произошло землетрясение¹, получившее название Спитакского, по находившемуся в эпицентре и разрушенному до основания городу. Помимо него за полминуты исчезло с карты полсотни сел, серьезно пострадала вся северная часть республики. В тот день рухнуло много домов и оборвалось много жиз-

¹ Катастрофическое землетрясение магнитудой 6,8–7,2 балла, произошедшее 7 декабря 1988 года в 10 часов 41 минуту по московскому времени.

ней. Официально насчитывается как минимум 25 000 погибших и полмиллиона оставшихся без крыши над головой.

Солнце село. Дорога не освещалась, взгляду стало не за что зацепиться. Видимо, и моему попутчику стало скучновато, потому что внезапно он начал рассказ об одном периоде своей молодости:

— Я жил тогда у дяди в России. Он устроился неплохо и даже с соседкой роман закрутил. Ну как роман. В общем, иногда она к нему заживала, и мне тогда срочно надо было искать себе занятие где-нибудь вне дома. И как-то раз, когда соседка пришла к дяде, ее дочка меня в гости позвала. Я говорил, что у нее дочка была? Была, да. Красавица. Ну вот, пришел я к ней.

.....

Спрашивает меня: «Хочешь вина?» Я говорю: «Чего мне твое вино? Есть водка?» Водки нет. Молчит. А потом вдруг спрашивает: «А меня хочешь?» Тут уж, брат, сам понимаешь.

.....

На следующий день к нам врывается соседка! Скандал! Крики! Угрозы! Я ее дочь, оказывается, изнасиловал, и она теперь в милицию заявление будет писать! Мы с дядей сидим, за головы держимся — что будет теперь? Мен ты понятно кому поверят! А зачем врет? Хочет, наверное, чего-то. Решили — надо идти договариваться.

И вот я прихожу к соседке и говорю: «Вы и сами знаете, все не так было. Давайте договоримся, чего вы хотите?» Она замаялась, пальцами перебирает, в пол смотрит. А потом вдруг выдает: «Хочу, — говорит, — чтобы дядя твой со мной спал». Я челюстью, кажется, по коленке себе в этот момент заехал. У них вроде ж и так все нормально. Но по-

шел к дяде с новостями. Рассказал. Дядя тоже не понял, зачем такая многоходовочка на пустом месте, но согласился с радостью, конечно.

Иду обратно, а сам мысль одну обдумываю. Решаю попробовать. «Хорошо, — говорю, — Дядя согласен, но у нас тоже условие есть одно. Пусть дочка ваша тогда со мной спит». Тут уже соседке пришел черед дар речи терять. «Ну, — отвечает, — если она не против». А дочка не против.

Так и жили потом — дядя с соседкой, а я с дочкой ее. Сначала хорошо все было, грех жаловаться. Но потом стало в тягость — бывает так приходишь с работы уставший, хочешь поваляться, может, выпить немного, а приходится трахаться. Уехал, в общем, оттуда в итоге.

* * *

Приютивший нас каучсёрфер Артур выглядел каноничным армянином — смуглый черноволосый бородач. Но при этом, в отличие, по крайней мере, от моего образа каноничного армянина, он не пил вина, и вообще ничего алкогольного не пил, а также не ел шашлыки, и вообще ничего мясного не ел. Маленькая белая кудрявая собачка разделяла взгляды хозяина, хотя, конечно, и не по своей воле. Артур предупредил, что носки на полу лучше не оставлять, а то песик съест. А в остальном вполне себе вегетарианская собака. Впрочем, нельзя сказать, что она выглядела сильно расстроенной таким поворотом событий, бегущей строки «убью за сосиску» в ее глазах прочесть не удавалось. Больше всего она любила прикинуться кошкой и, запрыгнув на колени, принуждать к любви и ласке.

13 АПРЕЛЯ

Окрестности Еревана

Местоположение Еревана очень удобно для того, чтобы, используя его как базу, совершать вылазки по стране. Наутро, нагладив собаку до тактильного коматоза, мы сели в автобус и отправились в Гарни¹. Нужно сказать, что Армения — страна храмов и монастырей. Посещенный накануне Санаин — великолепный пример, но далеко не единственный в своем роде — христианских тысячелетних церквей здесь десятки, если не сотни. Но даже если вы посмотрели их все и приехали в Гарни в самом конце, он все равно произведет должное впечатление. Потому что в отличие от всех остальных ему, во-первых, плюс-минус столько же лет, сколько христианству вообще — его возвели в I веке в честь бога солнца Митры. А во-вторых, это единственный оставшийся в Армении памятник языческой храмовой архитектуры. Гарни словно сошел со страниц учебника истории, с той части, где рассказывается о Древней Греции. Прямоугольный храм со множеством колонн, с атлантами, поддерживающими жертвенники, со ступенями по периметру, поднимающими его на этакий пьедестал. Здесь, среди Кавказских гор, увидеть подобное я ожидал меньше всего. Однако он прекрасно вписался в обстановку — с деревьев слетали розоватые лепестки, из репродукторов доносилась тягучая мелодия дудука. Храм стоял, как и две тысячи лет назад. Да, пусть то, что мы видели, было восстановлено из руин в советское время, но выглядело точно так же, как и до превращения в эти руины во время землетрясения XVII века.

¹ Гарни — языческий храм в Армении, построенный в I в. н. э.

Относительно недалеко, километрах в шести или девяти, расположился еще один монастырь, на этот раз христианский и действующий, — Гегард или, в полном варианте, Гегардаванк, что в переводе означает «Монастырь копьа». Здесь несколько столетий хранилась одна из важнейших христианских реликвий — Копье Судьбы.

По легенде, когда римский воин Лонгин пронзил распятого Иисуса копьем, из раны того брызнула кровь и святая вода, которые, попав в глаза этого воина, исцелили его катаракту. Тогда Лонгин обратился в христианство, забрал копье и ушел проповедовать. После его смерти уже другой сподвижник проповедовал с этим копьем. Вообще, вся мировая история учит нас, что проповедовать, когда у тебя есть копье, гораздо проще и продуктивнее, чем когда его у тебя нет.

Издали Гегард, приютившийся на склоне ущелья, выглядел весьма скромно — как небольшая церковь. Различные оттенки крупных блоков, составлявших стены, придавали ему сходство с лоскутным одеялом. С трех сторон храм опоясывала стена хозяйственных построек, а с четвертой прикрывала скала. Она же скрывала его главное волшебное свойство — внутри монастырь был больше, чем снаружи. Сжимающие Гегард утесы не ограничивали его, напротив — служили часовнями, церквями и притворами.

Здесь у нас была назначена встреча. Коротая время, мы спустились к ручью, расположившись в уютной беседке. Вова с Настей то заговорщицки переглядывались, то не выдерживали и рассказывали какую-нибудь огненную историю про персонажа, которого мы ждали уже с минуты на минуту.

.....

Заочно я уже знал, что его зовут Левон, что они познакомились пару лет назад в Ереване, что ему лет шестьдесят, и он классно катается на роликах. И что

одна из самых первых фраз, которую мои друзья услышали от него, звучала как «до начала групповухи 15 минут», и заставила Настю смутиться и погрузиться в размышления, обязательно ли участвовать в гостях в оргиях или можно ограничиться чаем.

.....

Конечно, после этого они сразу же добавили, что это у него шутка такая. Ну-ну.

Левон ворвался в нашу сонную сиесту седовласым и седобородым смерчем. За следующие полчаса он успел спеть в пещерном храме, демонстрируя акустику, заехать к другу на дегустацию меда и убедить перекрывшую дорогу толпу демонстрантов пропустить его машину. И где-то в этом процессе сообщить нам, что мы все едем к его друзьям на самые вкусные в мире шашлыки и отказ, если он вдруг будет, будет проигнорирован.

Шашлыки проходили на строящейся даче друга Левона. Большинство гостей уже прибыло. По армянским меркам камерное мероприятие — всего человек десять. Стали знакомиться. Огромный плюс путешествий по бывшим советским республикам — отсутствие языкового барьера. По-русски говорят практически все. Когда, увлекшись обсуждением, кто-нибудь переходил на армянский, его тут же поправляли словами: «Давайте проявлять уважение к нашим гостям и говорить по-русски».

Скоро подospel шашлык, приготовленный по фирменному и, само собой, абсолютно секретному рецепту одного из гостей. Стоило только попробовать, и во рту у меня взорвался фейерверк. Таящегося глубоко внутри вегетарианца смело взрывной волной — отказаться от мяса, зная, что где-то в Армении готовят такой шашлык, категорически невозможно. Я попытался передать открывшееся мне гастрономическое откровение автору рецепта. Получалось в основном воздевать руки к небу, мычать,

закатывать глаза и произносить только «оооо» и «м-м-м». Гигантский двухметровый мужик, телосложением больше всего напоминающий медведя, от похвалы начал буквально таять на глазах.

Прошло несколько часов. Вечеринка набрала обороты. После того как Настя категорически отказалась от водки, Левон со словами «Для тебя, Настя-джан, что угодно» исчез куда-то на несколько минут и вернулся уже с бутылкой армянского коньяка. Услышать обращение «джан» к себе очень почетно. В русском языке нет точного перевода, но в общем смысле это можно воспринять как «дорогой» — слово, показывающее крайне хорошее расположение к адресату. Наши новые знакомые уже всю строили на дальнейшую ночь наполеоновские планы — поехать в Ереван в свой ресторан и продолжить там. Наш план отличался — мы собирались вернуться ночевать к Артуру. Но обратная сторона кавказского гостеприимства — очень трудно покинуть застолье, чтобы никто не подумал, что раз мы уходим так рано (всего-то через несколько часов), то значит, нам не понравилось. Поэтому наше прощание все затягивалось и затягивалось. Когда мы наконец, пожав все руки и всех поблагодарив, сели в машину Левона, небо уже давно стало черным-черно и с россыпями звезд, хорошо видимых тут, в паре десятков километров от города.

Дороги пусты и темны, казалось, кроме нас, нет никого на всей земле.

— Смерти нет, — сказал Левон, крутя руль. —

.....

Мне монахи в Тибете сказали: если ты боишься смерти, ты не можешь любить. Если ты не можешь любить, ты не можешь медитировать. Если ты не можешь медитировать, твоя жизнь лишена смысла.

.....

Я попробовал некоторые практики и понял, — продолжил он, притормаживая на перекрестке, — смерти нет.

Если бы это было кино, последнюю фразу обязательно бы подчеркнули как-нибудь музыкально. «Бум» — раздалось справа от меня. Это уснувший на заднем сиденье Вова продолжил движение по инерции вплоть до столкновения лица с подголовником.

14 АПРЕЛЯ

Озеро Севан

Летом на озере Севан вся Армения устраивает пикники. Несмотря на небольшое расстояние, тут стабильно на несколько градусов прохладнее, чем в столице. По этой же причине в середине апреля тут не было никого, кроме нас и нескольких лавочников, скучавших в своих палатках. Кутаясь в теплые куртки, мы со вздохами вспоминали Ереван двухчасовой давности, с людьми в легких одеждах, гуляющих на солнце с мороженым в руке.

Кроме ветра и игры на дудуке, раздававшейся из одной из сувенирных лавок, ничто не нарушало тишины. На высоком берегу полуострова поднимались над темной водой стены церкви монастыря Севанаванк. Его построили больше тысячи лет назад, во времена, когда полуостров еще был островом. И однажды на нем обосновался царь Ашот II Железный и 250 воинов его охраны. А к Севану подошла армия Арабского халифата, в двадцать раз больше по численности. И предложила царю сдаться. Ашот согласился. В день сдачи расслабленные арабские солдаты, даже не прихватив с собой оружия, вышли посмотреть, как царь признает поражение. Но как только плоты Ашота подошли достаточно близко, его лучники

открыли огонь, вызвав панику на берегу. Армянские воины при поддержке ополченцев из соседних сел и монахов Севанаванка вступили в рукопашную и окончательно разгромили не сумевшего оказать организованное сопротивление противника.

Эта битва стала переломным событием войны за независимость. Со временем армянские армии освободили от захватчиков центральные и северные районы страны. Арабскому халифу осталось лишь признать поражение. Он послал Ашоту корону и признал его «шахин-шахом» — «царем царей».

15 АПРЕЛЯ

На юг от Еревана

Пришло время покинуть Ереван и двинуться дальше на юг. Но назначенный час отъезда застал нас троих вокруг сушилки для белья. Все вещи уже в рюкзаках, и лишь одна пара носков висела, сохла. Это наши или не наши? Цена ошибки — уровень «сапера». Что лучше, украсть носки хозяина квартиры или оставить у него свои на долгую память? Какой провод резать?

* * *

Следующим пунктом нашего маршрута был назначен Хор Вирап. Его вид — маленькая церквушка на фоне гигантского Арарата, — без сомнений, самая известная открытка из Армении. Сам Арарат не сильно хотел нас увидеть — облака крали значительную его часть, оставляя взору лишь подножие да иногда показывая вершину.

Переоценить значение этой горы для армян не получится, даже если очень постараться.

В Армении есть город Арарат, село Арарат, коньяк «Арарат», футбольные клубы, газеты, газировка, целая административная область на юго-востоке, словом, в Армении есть любой Арарат, кроме одного — непосредственно самой горы.

.....

С 1921 года эта территория отошла Турции¹.

По одной из версий библейской легенды, ковчег Ноя по окончании потопа пришвартовался именно к Араратской вершине. Версия эта не сказать что молодая, но и не старая как мир — предполагается, что Масис (устаревшее название Арарата) стал отождествляться с горой Ноя где-то в V–XI веках. Еще одна библейская легенда рассказывает о святом Иакове, который хотел подняться на гору, чтобы поклониться ковчегу. Кстати говоря, согласно этой истории, корабль должен быть виден в хорошую погоду невооруженным глазом. Однако... Но вернемся к Иакову. Три попытки восхождения не увенчались успехом, так как он засыпал на полпути, и в конце концов ему явились ангелы, выдали кусок ковчега за старания и сообщили, что вершина закрыта для посещений, так что, мол, завяжи-вай с альпинизмом. Как следствие этой истории (а может быть, как ее причина), восхождение на Арарат считалось делом богопротивным у всех населяющих окрестности народов, вне зависимости от вероисповедания, а помимо этого — невозможным прямо физически. Вершина была покорена уже в 1829 году. Но даже через полвека англичанин Джеймс Брайс писал, что, похоже, никто из живущих в пределах видимости Арарата, за исключением разве что

¹ Территория, на которой находится Арарат, перешла от Армянской ССР (образованной 29 ноября 1920 года) к Турции по Московскому и Карсскому договорам 1921 года.

какого-нибудь хорошо образованного чиновника в Ереване, не сомневается в том, что ни один человек не был на вершине после Ноя. Когда он рассказал о своем восхождении на эту гору архимадриту Эчмиадзинского монастыря, тот только улыбнулся ему в ответ: «Нет, этого не может быть. Никто там никогда не был. Это невозможно».

Расположившийся на фоне горы Хор Вирап тоже не обделен религиозным значением — этот монастырь построен на месте заточения св. Григория Просветителя, крестителя Армении. «На месте», пожалуй, стоит заменить на «над местом» — по винтовой лестнице из часовни можно спуститься в небольшое подземелье, где будущий святой провел 13 лет жизни.

Как и многие другие поучительные истории, эта началась с убийства. Отец Григория, Анак, подкупленный персами, убил армянского царя Хосрова II. Среди многочисленных последствий этого события были как минимум две почти полностью вырезанные семьи — Хосрова II и самого Анака, а также срочный отъезд двух младенцев в разные стороны — сына Анака, Григория, переправили в Кесарию, а сына армянского царя Трдата — в Рим. В Риме же они и встретились через тридцать лет. Григорий хотел служением Трдату замолить грехи отца, а Трдат, в общем-то, был не в курсе родословной своего нового союзника. Но это обстоятельство, а также христианское вероисповедание Григория вскрылись довольно скоро, когда Трдат вернулся в Армению и при поддержке римских легионов занял престол — будущий святой отказался участвовать в языческом жертвоприношении. Следующие тринадцать лет Григорий сидел в подземелье, а Трдат активно уничтожал армянских христиан, а также всех, кто пытался их укрывать, и параллельно ехал кукухой. Когда душевное здоровье правителя пришло в упадок даже по несильно высоким стандартам Средневековья, его сестра

увидела сон, что спасти Трдата может только Григорий. Освобожденный из подземелья, тот молитвами исцелил царя, после чего Трдат крестился сам, крестил весь двор, а затем и всю страну, резко сменив полярность и начав уничтожать язычников с тем же азартом, что и христиан несколькими годами ранее.

* * *

Из Хор Вирапа мы отправились на юг, меняя попутки. Один из наших водителей вез стройматериалы, ехал аккуратно и неспешно. Но стоило только разгрузиться, и его как подменили — тапок в пол, и выдавшая виды «Газель» полетела по горным серпантинам, разве что не срезая их по короткому пути. Встречный горный гонщик пронесся настолько близко, что я успел просмотреть свою жизнь где-то до средней школы.

.....

Видимо, на лице в этот миг проступило что-то непечальное, потому что, взглянув на меня, водитель дважды постучал себя пальцем по виску и кивнул — сказал, что не идиот. Сказал бы и вслух, но не знает русского.

.....

Один из немногих, встреченных нами в Армении. Но демонстрировать свои гоночные навыки все же перестал.

И это замечательно не только оттого, что наши шансы на выживание резко возросли, но и потому, что когда окружающие пейзажи не размазываются и ты не жмуришься от перспективы размазаться самому, ты видишь невероятно красивую дорогу. Путь из Хор Вирапа в сторону Гориса прекрасен — снежные шапки гор то подползали совсем близко, пытаясь схватить нас за колеса, то расступались в стороны. Иногда, забравшись повыше, машина воображала себя самолетом и въезжала в обла-